

ТЕКСТ СОВРЕМЕННОГО ПИСАТЕЛЯ КАК ИСТОЧНИК СВЕДЕНИЙ О ДИАЛЕКТНОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ

Т. В. Бахвалова

Орловский государственный университет имени И. С. Тургенева

(г. Орел, Россия)

А. Р. Попова

Орловский государственный университет имени И. С. Тургенева

(г. Орел, Россия)

Аннотация. Статья посвящена выявлению и описанию диалектных фразеологизмов на базе одного из богатейших источников изучения народных говоров – художественных текстов, рисующих быт и уклад жителей деревни, воссоздающих деревенский мир определенного региона на определенных временных срезах. Произведения современной орловской писательницы Т. И. Грибановой продолжают литературную традицию активного введения в тексты диалектных номинативных единиц, идущую от И. С. Тургенева, Н. С. Лескова, И. А. Бунина; герои писательницы – носители живых орловских говоров, и потому её тексты насыщены диалектными номинативными единицами, в том числе и фразеологическими. Авторский словарный проект «Народное слово в литературно-художественном воплощении (на материале произведений Т. И. Грибановой)» содержит лексикографическое представление диалектных фразеологизмов, многие из которых не зафиксированы в словарях региональной лексики и фразеологии. Значительную часть обнаруженной в произведениях диалектной фразеологии представляют единицы, номинирующие и характеризующие человека, его состояния, поведение, оценки, взаимоотношения и др., что подтверждает антропоцентричность фразеологической картины мира, в том числе и диалектной. В статье исследуются семантические группы диалектных фразеологизмов, обнаруженных в текстах; фразеологическая вариантность (в сопоставлении с фразеологизмами литературного языка); особенности внутренней формы; специфика компонентного состава с точки зрения частотности и с точки зрения принадлежности формам существования языка; художественные задачи использования диалектной фразеологии в прозе Т. И. Грибановой. Отмечается ценность и значимость современного художественного текста в изучении народных говоров, фразеологии русского языка.

Ключевые слова: диалектная фразеология, орловские говоры, фразеосемантическая группа, внутренняя форма фразеологизма, компонент фразеологизма, фразеологическая картина мира, проза Т. И. Грибановой.

THE TEXT OF A MODERN WRITER AS A SOURCE OF INFORMATION ABOUT DIALECT PHRASEOLOGY

T. V. Bakhvalova

Orel State University

(Orel, Russia)

A. R. Popova

Orel State University

(Orel, Russia)

Abstract. The article identifies and describes dialect phraseological items on the basis of one of the richest sources of studying folk dialects – literary texts that show the life and way of life of villagers,

recreating the village world of a certain region on certain periods. The works of the modern Orel writer T. I. Gribanova continue the literary tradition of active introduction of dialect nominative items into texts, that originates from I. S. Turgenev, N. S. Leskov, I. A. Bunin. Gribanova's characters speak live Orel dialects, and therefore her texts are full of dialect nominative items including phraseological items. The author's dictionary project "Folk word in literary and artistic embodiment (based on the works of T. I. Gribanova)" contains a lexicographic representation of dialect phraseological items most of which are not fixed in the dictionaries of regional vocabulary and phraseology. Items that nominate and characterize a person, their states, behavior, assessments, relationships, etc. represent a significant part of the dialect phraseology found in the works. This fact confirms the anthropocentricity of the phraseological picture of the world including the dialect one. The article studies the semantic groups of dialect phraseological items found in the texts; phraseological variation (in comparison with the phraseological items of the literary language); specificity of the component composition in terms of frequency and in terms of belonging to the forms of language existence; literary purposes of using dialect phraseology in T. I. Gribanova's prose. The value and significance of the modern literary text in the study of folk dialects, phraseology of the Russian language is noted.

Keywords: dialect phraseology, Orel dialects, phraseosemantic group, internal form of a phraseologism, component of a phraseologism, phraseological picture of the world, prose by T. I. Gribanova.

Введение

Включение в художественный текст диалектной лексики и фразеологии современными писателями есть продолжение богатой русской литературной традиции, на Орловщине ведущей истоки от И. С. Тургенева, Н. С. Лескова, И. А. Бунина, И. Е. Вольнова, раскрывающих широкую панораму народного быта, системы взаимоотношений, оценок и ценностей жителей региона.

«Чаще всего в качестве источников изучения лексики народных говоров используются памятники письменности, если речь идёт о XV – XVIII вв., и живые говоры, областные словари, если исследуется её современное состояние. Данное положение относится и к орловским говорам... Гораздо реже и в меньшей степени для изучения территориальных говоров используются тексты художественных произведений» [2, с. 92] – сказанное справедливо и в отношении диалектной фразеологии. Богатейшие лексико-фразеологические ресурсы содержат тексты художественных произведений писателей-орловцев, отражающих жизнь, быт и язык деревенского жителя Орловской области.

В настоящее время наметилась положительная тенденция в исследовании диалектных номинативных единиц, включённых писателями в свои произведения, ведётся работа и по лексикографированию такого материала, представленного в текстах И. С. Тургенева [4; 6; 7], И. А. Бунина [19; 20]; И. Е. Вольнова [5].

Литературную традицию подхватывает современная орловская писательница Т. И. Грибанова, целостно и многогранно рисуя уклад и природную специфику орловской деревни в XX – начале XIX вв., таким образом, и сам хронотоп, и герои произведений предполагают обращение к диалектному пласту лексики и фразеологии. Лексико-фразеологическому составу текстов писательницы посвящён словарный проект Т. В. Бахваловой и А. Р. Поповой «Народное слово в литературно-художественном воплощении (на материале произведений Т. И. Грибановой)», над которым в настоящий момент ведётся работа; в словнике проекта – более 2000 единиц (ниже толкования упоминаемых единиц будут приводиться по данному источнику). Диалектный материал был выявлен на обширном массиве текстов, в числе которых рассказы, повести, лирические миниатюры [10; 11; 12; 13; 14]; также были задействованы самые новые повести и рассказы 2020 года, на данный момент не опубликованные.

Работа с художественными произведениями, отражающими региональную специфику, вносит вклад в перспективные направления исследований диалектной фразеологии. Как пишет И. А. Кобелева, в настоящее время «интенсивно развивается и

диалектная фразеология, при этом основное внимание уделяется формальной (структура, варьирование), семантической, этимологической и этнокультурной сторонам диалектной фразеологической единицы» [18].

Выявление и лексикографирование диалектных фразеологических единиц на основе литературных произведений Т. И. Грибановой даёт возможность дополнить и расширить информацию о фразеологическом составе народных говоров. Десятки фразеологизмов, встретившихся в её текстах, не представлены в региональных словарях [22; 23], однако по сей день хранятся в памяти автора – носителя орловских говоров – и вложены в уста героев, рассказчиков либо в стилизованную авторскую речь.

Анализ

В одном из рассказов цикла «Записки охотника» И. С. Тургенев замечает: *орловское наречие отличается вообще множеством своебытных, иногда весьма метких слов* («Хорь и Калиныч»); очевидно, высказывание верно и для фразеологических единиц. «Орловские говоры являются одними из центральных говоров России, обладают обширным словарным составом с весьма разветвлённой лексической многозначностью и богатой фразеологией» [3, с. 6], что подтверждается словарными данными [22], богатейшей картотекой «Словаря орловских говоров» [17], а также материалом художественных текстов.

Фразеологизмы не только «антропоцентричны по идеографической ориентации», но и «антропометричны по основаниям квалификации» [25, с. 175], что отчётливо прослеживается даже при выборке диалектных фразеологизмов из текстов одного писателя. Среди обнаруженных в прозе Т. И. Грибановой диалектных фразеологизмов доминирует группа ФЕ (далее – фразеологическая единица), очерчивающая систему номинаций человека по разным признакам, а также его оценки, состояния, деятельность, поступки и др.

I. Значительный фрагмент лексико-фразео-семантической системы русского языка (и диалектной также) составляют наименования лица. Можно сказать, что человек фразеологически представлен в текстах Т. И. Грибановой в самых разных аспектах.

1. Прежде всего, для автора и его героев актуальны внешние характеристики, физические данные действующих лиц – всё то, что наиболее очевидно, что привлекает внимание в первую очередь и потому регулярно подвергается номинации и оценке.

Автор включает в свои произведения целый ряд фразеологических диалектизмов, называющих и характеризующих человека с точки зрения его комплекции, телосложения. Как явное отклонение от физической нормы представляется чрезмерная худоба. Образно, через сопоставление с предметом материального мира, этот признак передаётся в ФЕ дублетного типа *оглобля оглоблей* ‘о худом, тощем человеке’, где словные компоненты представляют собой падежные формы одной и той же лексемы; модель вообще распространена в языке, ср. *дурак дураком, дуб дубом* и т.п.

Интересны соматические образы, метко рисующие данную особенность внешности – худобу – и её выраженность в высокой степени: ср. *животы к спинам поприсыхали* ‘об очень худых, истощавших из-за недоедания людях’, *душа на просвет* ‘о хилом, тщедушном человеке’, и даже полное «отрицание» телесности: *ничего в гроб положить* ‘о сильно исхудавшем человеке’.

Некоторые из диалектных единиц этой семантической группы являются вариантами общеупотребительных ФЕ. Например, у Т. И. Грибановой встречаются ФЕ *гольные кости* ‘о слишком худом, отощавшем человеке’, *в чём душа теплится* ‘об очень худом, небольшого роста человеке’. Данные ФЕ дополняют ряд фразеологизмов, употребляющихся в орловских говорах с таким же значением: *одни лодыжки, три щепки, три щепки осталось, душа да тело* [17]. Приведём литературные синонимы: *одни кости* – разг., экспрес. ‘крайне худой, измождённый’ [27]; *в чём только душа держится* – прост. экспрес. ‘очень хилый, слабый человек’ [27].

Человека же физически крепкого, здорового характеризует диалектная ФЕ, которая у автора встречается в двух рассказах, причём в обоих случаях – в речи героев, дающих лицу столь меткую, оценочную, эмоциональную характеристику: *хоть об лоб поросят бей* ‘о полном, крепкого телосложения, пышущем здоровьем человеке’ – *Вон, верзила, гладкий какой! Здравой, хочь об лоб поросят бей!* («Двое»). *Иде ты токо до сей порушки обретал?.. Здравой, хошь об лоб поросят бей!..* («Ети»). Данная фразеологическая единица отмечается не только в орловских говорах – ср. *Перм. Ирон.* ‘о физически крепком, здоровом человеке’ [21].

Другой примечательный критерий характеристики человека по физическим свойствам – его рост. Так, человек маленького роста номинируется диалектной ФЕ *пуд с косырем*. Как можно заметить, один из словных компонентов (в своём свободном употреблении в качестве единицы лексической системы) представляет собой наименование меры веса, второй же – своеобразную меру длины (роста) – ср. общеупотребительную ФЕ, имеющую аналогичную структуру и мотивационные признаки: *метр с кепкой* ‘о человеке маленького роста’ [8, вып. 10, с. 135]. Диалектное слово *косырь* известно орловским говорам в значении ‘большой нож с толстым широким лезвием; косарь’ [22, вып. 5, с. 98]. Интересно, что это существительное распространено и на других территориях в значении ‘большой нож для щепания лучины, скобления пола и др.’; употребляется и фактически аналогичный фразеологизм – *фунт с косырем* ‘о малом весе’ *Куйбыш.* [23, вып. 15, с. 95].

2. Человек характеризуется с точки зрения возраста и соответствующего ему здоровья; актуальной оказывается фразеологическая репрезентация завершения жизненного пути человека, близость конца жизни – именно от старости, не по иным причинам, как можно заметить из контекстов. Ср., например, ФЕ, построенная по дублетной модели – *труха трухой* ‘о слабом, немощном от старости человеке’ (как видим, обозначена не только старость, но и сопутствующая ей физическая немощь). Два фразеологизма этой семантической группы, встретившиеся у Т. И. Грибановой, содержат компонент *Поповка: одной ногой на Поповке* ‘одной ногой в могиле’ и *на Поповку пора* ‘пора отправляться на тот свет’ – *Об чём толкуешь, старый греховодник, – отмахивалась Груша, – одной ногой на Поповке, а туда же!* («Крыльцо для Аграфены»); – *Ты опять за своё, уж и на Поповку пора, а ты всё не унимаешься?* («Бабушка Нинила»).

Названия *Поповка, Попов бугор* в качестве обозначений возвышенного места, где расположены кладбище и церковь, известны в говорах Орловщины. Как поясняет сам автор, Т. И. Грибанова: *Поповкой у нас называют гору, на которой располагается не только церковь, но и вокруг неё погост. То есть церковная (поповская) гора с погостом. Поэтому: спровадиться на Поповку обозначает ‘преставиться’.*

3. Внешний облик человека характеризуется также по критерию, связанному не столько с физическими, природными данными, сколько с зависящей от человека, его привычек и воспитания, чертой. Так, диалектная ФЕ *чумичка чумичкой* той же дублетной модели имеет значение ‘об очень грязном, неряшливом человеке (здесь – о куклах)’ – *А ты, касатка, тожить без дела не томися: кукол переплети, платья-постели ихние перестирай. Чай, чумички чумичками* («Жили-были»). Слово *чумичка* ‘грязнуля, замарашка’ является просторечным [24, вып. 17, ст. 1200], его семантика во многом сохранена в семантике фразеологизма, а удвоение компонента способствует выражению интенсивности данного качества.

4. При характеристике и оценке человека не менее актуальны его интеллектуальные данные. Номинации с отрицательной коннотацией («недостаточность» интеллектуальных данных) преобладают, что в принципе свойственно говорам и находит отражение в текстах Т. И. Грибановой. Например: *бесполдённая Арина* ‘бестолковая, глупая женщина’ – *Досужая Фролкина мачеха Анфиса – не какая-то вам*

бесплодённая Арина – сразу быка за рога! («Колыбель моя посреди земли»). В данном случае текст писательницы позволяет откорректировать ареал диалектной ФЕ, которая зафиксирована в регионах, территориально близких Орловщине, в несколько иных, однако сродных вышеуказанному значениях: *бесплодённая Арина* ‘бестолковая, странная женщина’. *Курск.*, 1849. ‘человек, не соразмеряющий свою деятельность со временем дня’. *Белг., Курск.* 1891 [23, вып. 2, с. 273] – как видим, оба оттенка значения датированы XIX в. Однако, как свидетельствует произведение Т. И. Грибановой, фразеологизм памятен в настоящее время и носителям орловских говоров.

Умственно ограниченного, недалёкого, глупого человека называет и характеризует диалектный фразеологизм *пень Божий*; отметим, что в его семантике проявляет себя известное значение слова *пень* – *перен., прост.* ‘о глупом, бестолковом или бесчувственном, безучастном ко всему человеку’ [8, вып. 15, с. 552].

5. Безусловно, крайне значимы, а потому и фразеологически представлены свойства характера, душевные качества человека, в том числе и как действующего лица произведения. Интересно, что все выявленные в текстах Т. И. Грибановой диалектные ФЕ этой семантической подгруппы характеризуют свойства негативные, не являющиеся моральной и (или) поведенческой нормой.

Так, в художественно-документальном цикле очерков «Колыбель роду племени моему» встречается указание на известность, употребительность в говорах фразеологизма *с лысинкой*, характеризующего общую манеру поведения человека – его странность, взбалмошность, неадекватность: *Барыня Соковникова, воспитывавшаяся в малолетстве по желанию её матушки при монастыре, нраву была по нашим меркам непросто: взбалмошный её характер не смогли переломить и годы, проведённые под надзором приставленной приглядывать за ней монахини Капитолины. Ну, так не зря же говорят: «Уж коли зародился с лысинкой...».* Структурная модель «предлог с + существительное в творительном падеже» широко распространена в орловских говорах: *с глупинкой, с глупинством, с хитриной, с холминой, с холоминой, с холоминкой, с куполькём, с кандибобером, с замолотцем, с бусорью, с бусориной, с куколькём* и т.п. [17], внутренняя форма данных ФЕ подсказывает образ «с чем-либо излишним, не нужным». По этой же модели построен другой фразеологизм, встретившийся у Т. И. Грибановой, – *с лешинкой*, имеющий похожее значение: ‘с чудачествами, со странными, вызывающими удивление поступками, привычками (о человеке)’.

У некоторых фразеологизмов (в их числе и обнаруженные в тексте Т. И. Грибановой номинации *с лысинкой, с лешинкой*) «мотивировочный признак просматривается неотчётливо или совсем не ощущается. В этом случае значение фразеологизма ‘глуповатый человек, с придурью’ поддерживается, проясняется самой структурой ФЕ: *с замолотцем, с гулимониной*» [3, с. 110–111].

Внутренние качества человека, безусловно, проявляются в его поведении, внешней манере себя держать, что передаётся через соматический образ – мимику высокомерия, пренебрежения: *через губу не переплюнет* ‘о том, кто непомерно высокого мнения о себе, что проявляется в поведении (не с каждым заговорит, не всё будет есть и др.)’.

Другое порицаемое душевное свойство обозначается фразеологизмом *самому чёрту брат* ‘о бессовестном, наглom человеке’, компонентный состав которого явно апеллирует к общеупотребительной ФЕ *сам чёрт не брат* со значением, отличным от приведённого, но «пересекающимся» с ним в отдельных потенциальных, ассоциативных семах: ‘всё нипочём, всё очень легко, ничего не стоит. Подразумевается, что для лица, о котором идет речь, ситуация может иметь опасные или неудачные последствия. Имеется в виду крайняя независимость, смелость, лихость, опрометчивость, безрассудство в действиях’ [9, с. 617].

Однако же и положительные, на первый взгляд, качества человека не вызывают одобрения, если они проявляются чрезмерно. Например, контекст указывает на

негативную коннотацию единицы *божье бя* 'о невинном, простодушном человеке' – *Прикинулся было Божьим бя, овечкой сирой, сунул градусник в жаркую печурку, но хитрость его тут же раскрыли...* («Жили-были»). ФЕ содержит компонент-диалектизм *бя*, в данном случае явно подразумевается значение 'овца', о чём свидетельствует наличие в говорах соответствующих однокоренных слов: *бя* 'звукоподражательное междометие; обозначает бляные овцы', *бякуша* 'овца', *бьяша* 'овца', *бьячить* 'блять (об овце)' и др. [23, вып. 3]. Кроме того, и переносное значение слова *овца* во многом соответствует семантике приведенной ФЕ: *овца – перен., разг. 'о робком, безответном, покорном человеке (обычно в функции сказуемого)'* [8, вып. 13, с. 452].

Морально-нравственный характер фразеологических оценок человека по его внутренним свойствам находит отражение в наличии в ФЕ компонента *душа*; в свободном употреблении это существительное-полисемант имеет соответствующее значение 'совокупность характерных свойств, черт, присущих определенному лицу' [8, вып. 5, с. 452]. Слово также способно метонимически обозначать человека: *разг. 'человек (обычно при указании на количество)'* // 'В России до реформы 1861г. – крепостной крестьянин (обычно мужского пола)' [8, вып. 5, с. 454].

Всё это послужило базой для формирования целой фразеологической серии – *заячья душа, бумажная душа, чернильная душа* и т.п. Тексты Т. И. Грибановой пополняют серию диалектными единицами: *скряжная душа* 'тот, кто проявляет чрезмерную скупость, жадность; скряга'; *душа короткая* 'о человеке, не помнящем прошлого, своих предков' – см. контекст, выражающий нравственную суть русского человека: *А могилки со сродниками на погосте цельный ряд? Как без пригляду оставить?... Ить у нас на деревне, как ни помысли, а всё ж таки обычаи от Христа... Рази ж у Гурьевых душа короткая?! («Так и жили...»).*

Человек может быть фразеологически номинирован и по материальному положению. Например, *голь голимая* 'о том, кто живет в крайней нищете' – ср. общеизвестное *голь перекатная* – *разг. пренебр.* 'опустившийся человек, живущий в нищете; босяк' [21]. Как можно заметить, от варианта, известного литературному языку, диалектную ФЕ отличает лексический компонент *голимый*. Вполне вероятно, что он представлен в ФЕ в значении, которое известно говорам, – 'достигший предела; полный, совершенный'. Интересно, что в иллюстративном примере в словаре-источнике [8, вып. 4, с. 227] отражено сочетание *голимая бедность*. В говорах имеются ФЕ аналогичной структуры, входящие во фразеологическое гнездо с вершиной *голь*, – *голь непокрытая* 'бедность, нищета', 'бедняки', *голь египетская* 'бедняки' [23, вып. 6, с. 347]; на территории Орловщины также существуют ФЕ с компонентом *голь*: *голь голюю*, *голь голяком* 'о крайней нищете, бедности кого-л.' [22, вып. 3, с. 11].

6. Фразеологизмы рассмотренных выше семантических групп характеризуют лицо как индивидуума, однако не менее актуальны фразеологические номинации человека по отношению к другому лицу. Например, номинация человека по признаку независимости от кого-л.: *не под шапку*: 'не подвластен, не подчиняется кто-либо кому-либо' – *С этих пор мамыньке я и вовсе не под шапку, сама себе командёр («Бабушка Нинила»).*

Внутреннее, душевное, моральное сходство или несходство людей как важный признак номинации отражено в ФЕ *по отцовской струне ударить* 'быть похожим на отца характером и поступками', *волк коню не свойственник* 'разных по своей природе, характеру людей ничто не может объединить'. Последняя ФЕ, как можно заметить, содержит компонент-диалектизм – ср. *свойственник* 'дальний родственник, родственник не по прямой линии'. *Арх.* [23, вып. 36, с. 319]. Слово зафиксировано в архангельских говорах северного наречия, орловские же говоры входят в южное наречие, однако на территории Орловщины бытует немало подобных единиц ввиду того, что в XVIII – первой половине XIX вв. население региона пополнялось переселенцами из разных, прежде всего северных земель Русского государства.

Фразеологизмы, как известно, и в своих значениях, и в своей внутренней форме хранят сведения об обычаях, традициях; подобного рода номинация человека встречаются и у Т. И. Грибановой: *крестовый брат* ‘человек, с которым заключён союз на вечную дружбу, закреплённую обменом нательными крестами’.

II. Немалая часть диалектных фразеологизмов в текстах писательницы отражает физическое состояние, физические возможности человека, а также состояние душевное, чувства, мысли, переживания.

1. Аудиальное восприятие, готовность и способность к нему человека передаётся ФЕ *вострить уши* ‘приготовляться с усиленным вниманием вслушиваться’. Орловским говорам известны и другие фразеологизмы с компонентом *ухо* (в его разных формах, в том числе с фиксацией диалектного произношения с протетическим согласным) в похожем значении: *ухо/вуха наставлять, натопорить вухи* ‘внимательно и напряженно слушать, прислушиваться’. Заметим, что фразеологизм в тексте дан в кавычках – *Женёк усаживался на лавку, «вострил уши», и урок начинался* («Красно-тал»); тем самым автор подчёркивает его ограниченность в употреблении, ненормативность этой единицы и её специфическое использование как речевой характеристики повествователя. Вообще, такая пунктуационная особенность свойственна стилю Т. И. Грибановой и встречается многократно.

Физическое состояние человека – одна из болезней – номинируется диалектной ФЕ *сесть на ноги* ‘вследствие болезни утратить силу, способность передвигаться на ногах’. Этот фразеологизм в текстах Т. И. Грибановой используется дважды – *Когда дед Сила Леонтич, «севший на ноги», уже махнул было на себя окончательно... и Дед Федот ещё за год до войны сел на ноги* («Так и жили...»). В первом примере имеет место морфологический вариант ФЕ (с компонентом-причастием), который опять же дан в кавычках, указывающих на то, что единица не является общеупотребительной, а свойственна речи жителей деревни. Интересно, что в литературном языке употребляется фразеологизм с противоположным значением и с противоположной же внутренней формой, базовым образом, – *становиться [вставать, подниматься] на ноги; стать [вставать, подняться] на ноги* ‘выздоровливать, оправляться от болезни’ [29, с. 453].

Человек в состоянии алкогольного опьянения у автора номинируется фразеологизмом *зюзя зюзей*. На территории Орловщины в прошлом употреблялась ФЕ с однокоренным компонентом *напиться как зюзечка* ‘напиться до потери сознания’ Орл. 1901 [23, вып. 12, с. 42]. Само же слово *зюзя* известно здесь в значении ‘неопрятный, неряшливый человек’, в качестве компонента входит в состав устойчивых словосочетаний *как зюзя (зюзик)* и *что зюзя*, обозначающих неопрятного, неряшливого человека [22, вып. 4, с.126].

Кроме того, фразеологическую номинацию получает и состояние сильной усталости: *в гроб убиться* ‘очень устать от тяжёлой работы’ – данная ФЕ, встречающаяся у автора, относится к числу немногих зафиксированных в «Словаре орловских говоров», но с инверсией – *убиться в гроб* [22, вып. 16, с. 7]. Таким образом, в данном случае текст писательницы позволил расширить сведения о вариантности фразеологизма в говорах.

В условной мере физическое состояние – прекращение существования, смерть – передаётся выразительной ФЕ *обвенчаться с могилкой* ‘перестать жить, умереть’. И в литературном языке, и в народных говорах, действительно, немало образных фразеологизмов, иносказательно обозначающих смерть, см. об этом, например [26, с. 229], и приведенный нами фразеологизм как бы пополняет галерею фразеологических образов смерти, выражая это состояние перифрастически, через яркую «картину» нелогичного, невозможного действия.

2. Среди диалектных фразеологизмов, номинирующих состояния душевные, так же, как и при обозначении состояний физических, преобладают единицы с негативной коннотацией.

Например, состояние возбуждения, вызванное негативной реакцией на какую-либо ситуацию, обозначается следующими фразеологизмами: *нервы поотмотаны* – *Хочь бы почистил Воронка, стервец анафемский, негодяй бессовестнай! – лицо у него налилось кровью, трех съехал на затылок (чай, тоже нервы поотмотаны)* («Колыбель моя посреди земли»); *не в духах* ‘в плохом расположении духа; не в настроении’ – морфологический трансформант известной литературному языку ФЕ *не в духе* в том же значении.

Состояние раздражения при нежелании или невозможности терпеть какое-либо положение дел обозначено ФЕ с диалектным компонентом *терпелка* – *терпелка обрывается* ‘заканчивается терпение’ и *терпелка спортилась* ‘кончилось терпение’. Вне данных устойчивых словосочетаний слово *терпелка* в орловских говорах не зафиксировано. Факт употребления его в других говорах отражен в диалектном словаре: *терпелка* ‘терпение, выносливость’. Иркут., 1970 [23, вып. 44, с. 80].

Выражение сильной, почти непосильной негативной эмоции – горя, боли – передается образными ФЕ, одна из которых вызывает яркий визуальный образ-ситуацию *не привязанный, а завизжишь* ‘выражение сильного горя’, а две других содержат компоненты *душа*, *сердце*, которые издавна понимаются как средоточия мыслей и чувств человека: *душа кровью капает* ‘кто-либо испытывает острое чувство душевной боли, жалости, сострадания’, *сердце на лоскутья рвётся* ‘о состоянии сильного страдания, переживания’. Можно заметить, что здесь имеет место лексическая вариантность при соотнесении приведённых единиц с ФЕ литературного языка – см. сходные единицы с точки зрения семантики и компонентного состава: *душа [сердце] разрывается [рвется]* <на части> [29, с. 150].

Ощущение состояния сильного страха отражено в ФЕ *завыбивают зубы Камаринского* ‘о дрожи от сильного страха, душевного смятения’ – ср. *стучать (застучать) зубами* – *прост., экспрес.* ‘мёрзнуть, трястись от холода’ [27]; как можно заметить, введение компонента *Камаринского* придают ФЕ большую конкретность, делает внутреннюю форму ярче, образнее: всем хорошо знакомо название известной русской плясовой песни и самой пляски – *Камаринская*.

Через конкретный образ передается состояние ожидания и связанных с ним эмоций – надежды/безнадёжности: *завязывать жданки в узелок* ‘не надеяться на осуществление ожидаемого’, *передаются все жданки* ‘утрачиваются надежды от долгого ожидания чего-либо’ и *жданки переест* ‘испытать чувство безнадёжности от долгого ожидания чего-либо’. Все три выявленных в текстах фразеологизма содержат компонент-диалектизм *жданки*. Слово широко распространено в говорах, как в свободном употреблении в значении ‘кушанья, приготовленные в ожидании желанного, любимого или знаменитого, важного гостя’, так и в качестве компонента устойчивых сочетаний: *Ждал, ждал, да и жданки съел* (Пословица). *Все жданки проел* [23, вып. 9, с. 94], ср. также *жданки* ‘пироги, испеченные в ожидании гостей’ *Волог. Ждали, ждали, да и жданки поели* (шуточный упрек гостю, заставившему себя ждать). *Курск.* [23, вып. 9, с. 94]. Связь с данным предметным значением сохранилась в самой структуре ФЕ, содержащей компоненты *передаются*, *переест*, хотя целостное значение единицы уже абстрагировалось.

Общая оценка состояния человека – отсутствие сил, возможностей, способностей к деятельности – передается ФЕ *кишка истончилась* ‘утратились силы, средства и т.п. для осуществления чего-либо’ – *Хоть китайцы нам трусов-панталонов настрочат, тапок нашлёпают. У нас у самих, видать, кишка истончилась* («Палыч»). ФЕ является диалектным вариантом известной языку единицы *кишка тонка* – *прост.* ‘не хватает сил, способностей и т.п., чтобы сделать что-л.’ [29, с. 197].

III. Богатым источником диалектных фразеологических номинаций, в том числе и явно оценочных, является многообразная деятельность человека, а также его поступки в отношении других лиц. Не исключение в этом плане и тексты Т. И. Грибановой, насыщенные единицами подобной семантики.

1. Прежде всего, человек характеризуется в его отношении к труду. Т. И. Грибанова включает в свои тексты ФЕ, обозначающие работу, трудовую деятельность.

Обилие трудовых дел и забот ярко выражено ФЕ *какмень на жаровне (крутится, вертеться)* 'быть занятым разными делами без отдыха, без передышки; как белка в колесе (крутиться, вертеться)' – *Фёдор только успевал поворачиваться. Как своим, «по-соседски», откажешь? Крутился, «какмень на жаровне»* («Краснотал») – заметим, что автор вновь вводит кавычки как указание на принадлежность фразеологизма речи носителей говоров. Слово *мень* широко распространено в говорах южного и северного наречий [23, вып. 18, с. 111] и является обозначением обитающей в пресных водах налима – рыбы семейства тресковых.

Встречаются у автора и ФЕ с противоположным значением, поскольку, безусловно, в деревенском быту резко порицается бездействие, отлынивание от работы. Фразеологизмы этой семантической группы своей внутренней формой «рисуют» противопоставленные труду действия: *гулюшки гулять* 'праздно проводить время' и *лягушек бить* 'лодырничать, бездельничать', причём в последнем случае формально названо действие нелогичное, бессмысленное и бесполезное. В орловских говорах отмечается единица подобная данной по компонентному составу и семантике: *лягушкам глаза колоть (выбивать, выбить)* 'проводить время в безделье; гулять' [22, вып. 6, с. 93].

Интересен по значению и составу компонентов фразеологизм *вынять руки из карманов* 'прекращать, переставать бездельничать'. Отметим, что языку известна ФЕ *руки в брюки (в карманы, в карманах)* [9, с. 590], своей внутренней формой передающая положение рук, непригодное для работы.

2. Речевая деятельность человека – особый и немаловажный вид деятельности, раскрывающий характер и моральные качества человека, – в текстах писательницы также фразеологически представлена.

Высказывания, реплики героев Т. И. Грибановой при помощи фразеологизмов характеризуются с точки зрения правдивости содержащейся в них информации. Во внутренней форме таких ФЕ содержатся интересные проекции физических действий на речевую деятельность: *вязью вышивать, городить городушки* 'стараться скрыть истинное положение вещей, лукавить'. Последняя ФЕ зафиксирована в орловских говорах, но в другом значении – *неодобр.* 'делать что-л. небрежно' [22, вып. 3, с. 18]. Как видим, обращение к текстам писательницы проясняет и расширяет семантическую структуру диалектного фразеологизма.

Близкое значение имеет ФЕ *ходить колесом* 'вести разговор, не затрагивая сути обсуждаемого, уклоняясь от прямого ответа о самом важном'. Структурно и семантически единица подобна общеизвестному фразеологизму *ходить вокруг да около* разг., ирон. 'говорить, объясняться обиняком, не прямо, не говорить о сути дела' [27]. Лексемы *около, колесо*, ставшие компонентами этих ФЕ, родственны и восходят к ныне утраченному слову *коло* 'круг', породившему в своё время значительное словообразовательное гнездо.

Номинируется ещё одно свойство речи говорящего – её правдивость, подкреплённая уверенностью и убеждённостью в истинности собственных слов, – ср. *голову на пень положить – К бабке не ходи – эти! Чтоб мне Серёжкиной свадьбы не дожидаться! Голову на пень положу – эти!..* («Ети»).

Актуальны для героев произведений содержание и содержательность высказываний: *наметить белыми стежками* 'договориться о предстоящем деле предварительно, в общих чертах, без углубления в детали', *лясы подсолнушные точить* 'заниматься пустыми разговорами, сопровождаемыми щелканием подсолнечных семечек'. Немаловажен сам лексикон речи героев, выбор слов, их оценка с точки зрения соблюдения приличий: *крестить по матушке* 'бранить нецензурными словами' и *чертануть по матушке* 'обругать нецензурными словами'.

Резкое прекращение речи обозначено ФЕ *поприкусить брѣх* 'спохватившись, внезапно замолчать', имеющей соответствие в литературном языке *прикусить язык* – разг., ирон. 'замолчать, воздержаться от высказывания' [27]. Как можно заметить, обе единицы содержат однокоренные глагольные компоненты; диалектный фразеологизм включает в себя компонент *брѣх*, свойственный просторечию и определяющий стилистический и эмоциональный характер ФЕ.

3. Диалектные фразеологизмы, выявленные в текстах Т. И. Грибановой, номинируют и когнитивную деятельность человека – понимание, осознание, способность помнить что-либо. Например: *сливочки от кислушки отличить* 'разобраться, отличить плохое от хорошего' – единица содержит компонент-диалектизм *кислушка*, слово широко распространено на Орловщине в значении 'простокваша' [22, вып. 5, с. 38]. *Раскинуть направо, налево умочком* – перед нами диалектный вариант с расширением и преобразованием компонентного состава литературной ФЕ *раскинуть/раскидывать умом* – разг., экспрес. 'обдумывать, мысленно рассчитывать, прикидывать и т.п.' [27].

4. В текстах Т. И. Грибановой встречаются диалектные фразеологизмы, обозначающие действия субъекта по отношению к другому лицу, а также «взаимные» действия; прежде всего фразеологически маркированы отношения между мужчиной и женщиной.

Интересно, что некоторые из таких ФЕ позволяют как бы задать точку видения ситуации – со стороны мужчины/женщины. Например, эвфемистичные по сути ФЕ *ворота отворить (открыть), ворота открывать* 'вступить (вступать) в интимные отношения (о девушке, женщине)' относятся именно к лицу женского пола, что подтверждают и произведения автора. Или: ФЕ *и сороку бить, и ворону* 'ухаживать за всеми девушками, не делая предпочтение кому-либо' передаёт манеру поведения именно мужчины. Представлены и действия без определенной гендерной дифференциации: *на сторону лызнуть* 'нарушить супружескую верность'.

В диалектных ФЕ отражаются действия мужчины/женщины совместного характера: *венчаться у ракитового куста* 'вступать в гражданский брак' – причём интересен контекст-объяснение автора: *Даже представить себе невозможно, из какой дальней дали пришло к нам выражение «венчаться у ракитового куста». Это теперь такой (гражданский) брак считается неофициальным. А вот предки-язычники вступали в брак у священных ракит, и вода (тоже священная стихия) являлась свидетелем нерушимой клятвы молодых* («Колыбель моя посреди земли»).

Диалектные фразеологизмы, содержащиеся в прозе Т. И. Грибановой, номинируют разнообразные действия человека по отношению к другому лицу как к объекту. Например, находит фразеологическое отражение проявление власти над кем-либо, подчинение своим желаниям, ограничение чьих-либо действий: *взять в шоры* 'решительно заставить делать что-либо, поступать определённым образом'; *хотелку поприжать* 'ограничить осуществление желаний, намерений кого-либо'; *за рукав словить* 'уличить в чем-либо' – ср. общеупотребительно *ловить/поймать за руку, хватать/схватить за руку* – разг., экспрес. 'вовремя останавливать/остановить того, кто занимается какой-л. порочной деятельностью' [28, вып. 2, с. 342]. Как видим, в диалектной и литературной единицах представлен тот же образ, то же действие, варьирующиеся компоненты являются однокоренными – *ловить/словить, рука/рукав*.

Некоторые ФЕ, включённые автором в тексты, представляют собой воплощения действий, предписанных традициями, обычаями, обрядами: *покормить покойницу* 'принести на могилу умершей еды для поминания', *выкликнуть младенца* 'в родильном обряде: дав роженице выпить воды с опущенными в неё углями из топившейся печи, помочь появиться на свет младенцу'.

5. Условно можно выделить группу диалектных ФЕ, обозначающих не какие-либо конкретные действия, а вектор деятельности человека в целом, предполагающий глобальные изменения личности: *с катушек сбиться* 'сойти с правильного жизненного пути', *забыть, какой рукой лоб крестят* 'потерять совесть'.

VI. Т. И. Грибанова нередко использует фразеологизмы, передающие общую оценку состояния и положения дел; причём для героев (или повествователей) особенно актуальной оказывается оценка их жизни как трудной, полной тягот и невзгод.

Так, безденежье, бедность, голод образно передаются ФЕ, представленной в текстах Т. И. Грибановой в двух вариантах – с расширением компонентного состава и без такового: *с лебеды на крапиву, [с мякины на щавель]* 'об очень бедном житье впроголодь', а также ФЕ *травой подавиться* 'о питании скудной однообразной пищей из-за бедности' – *Но вот что удивительно: и обуться, одеться не во что, и травой подавились, а молодость брала своё* («Бабушка Нинила»), *в кармане мышь прогрызла дырку* 'об отсутствии денег, крайней бедности'.

Отражён в диалектной фразеологии и тяжёлый, непосильный труд как привычный и неизбежный уклад жизни: *хочь пуп развяжи – ... Мать спозаранку в поле, отец и дед тоже в работах, в одиночку бабуле с огородом, «хочь пуп развяжи», не справиться* («Так и жили...»). Структурно подобная поговорка отмечается в одном из лексикографических источников – *пуп (пупок) развязывается у кого – прост., шутил.* 'о большом напряжении сил' [21].

Фразеологически маркируется общая оценка состояния, положения дел как тяжёлого, бедственного, безысходного. Показательно, что в ряде встретившихся у Т. И. Грибановой единиц содержится словный компонент *моток* – существительное является семантическим диалектизмом и известно орловским говорам в значении 'сложенный и завязанный конец верёвки; петля'. Как известно, в литературном языке непосильно тяжёлая жизненная ситуация передаётся ФЕ с компонентом *петля* – например, *хоть в петлю лезь* [27]. Подобная же внутренняя форма наличествует у ФЕ с компонентом – диалектным синонимом слову *петля* – *моток*: *хоть моток накидывай, хоть в моток сигай (прыгай)* 'о тяжёлом, безвыходном положении человека, в моток сигать' 'о состоянии тяжёлого, безвыходного положения'. Тексты автора расширяют сведения о вариантности диалектных ФЕ в говорах; на данный момент зафиксированы следующие ФЕ *хоть моток на шею, хоть в моток (мот) лезь*, [22, вып. 6, с. 149], но не представлены варианты, имеющиеся в произведениях Т. И. Грибановой.

Интересна трансформация и переосмысление в говорах общеизвестной ФЕ *лаптем щи хлебать* – *прост., пренебр.* 'жить в нищете, прозябать в невежестве, в отсталости и косности' [27]. У Т. И. Грибановой читаем: *...каждый раз заводя разговор «о той зиме проклятущей», чернел лицом Роман, – да-а уж... нахлебались лаптем штец, сыты – по самую глотку* («Всего дороже»). ФЕ *нахлебаться лаптем щец* (в тексте зафиксировано произношение *штец*) имеет значение 'натерпеться тягот, бедствий'.

Результаты

Таким образом, анализ диалектной фразеологии, представленной в значительном по объёму и разнообразном в жанровом отношении текстовом материале современной писательницы, позволяет обобщить ряд особенностей обнаруженных единиц.

Диалектная фразеология в текстах Т. И. Грибановой отражает общую закономерность фразеологии орловских говоров, что проявляется ярче всего в особенностях компонентного состава фразеологизмов: преобладают фразеологические единицы, образованные на базе лексем литературного языка. В то же время существенную часть ФЕ, как и во фразеологическом фонде местных народных говоров, составляют устойчивые словесные комплексы, в составе которых имеются компоненты-диалектизмы [1, с. 91–95]. В качестве таких компонентов выступают как слова, известные в говорах

в свободном употреблении (*жданки, кислушка,мень, моток, свойственник* и др.), так и представленные только в составе ФЕ (*бесплодённая, бя* и др.).

Явно прослеживается частотность компонентов-соматизмов, что вполне объясняется антропоцентричностью и антропометричностью фразеологии в целом: соматизмы в литературном языке образуют значительные фразеологические гнезда, это справедливо и в отношении говоров. В составе обнаруженных ФЕ фигурируют как компоненты следующие соматические лексемы: *сердце, нервы, губа, кишки, живот, спина, голова, ноги, руки, зубы, уши, пуп, плешь, лоб*.

Выявляются взаимодействия диалектных фразеологизмов с общей фразеологической системой. Представленные в текстах Т. И. Грибановой диалектные ФЕ строятся по известным языку моделям, структурам: *хоть моток накидывай, хоть в моток сигай (прыгай), хоть пуп развяжи; оглобля оглоблей, чумичка чумичкой, труха трухой*. Под влиянием общеупотребительных ФЕ возникают диалектные единицы с преобразованиями структуры и семантики: *нахлебаться лаптем щец* 'натерпеться тягот, бедствий' и др.

Работа с литературными текстами способствует решению одной из задач диалектной фразеологии, каковой является «... изучение фразеологических взаимосвязей и взаимодействий между литературным языком и народными говорами, выявление общенародного и местного во фразеологии...» [16, с. 3].

Существенная часть рассмотренных фразеологических диалектизмов многогранно номинирует человека, его внешние данные, интеллектуальные и душевные свойства, поведенческие черты, действия и взаимоотношения, обычаи, часть системы оценок – как других людей, так и состояний, положений, жизни в целом. Многие ФЕ являются характеризующими, в своей семантике явно содержат коннотацию (преимущественно негативную); ФЕ, представляющие собой номинацию без оценки, единичны (*крестовый брат*).

Нередко ФЕ отличаются прозрачностью и оригинальностью своей внутренней формы; они формально (как свободные сочетания) номинируют нелогичные, парадоксальные или невозможные действия, явления – *обвенчаться с могилкой, покормить покойницу*, представляют собой яркие сравнения – *какмень на жаровне (крутится, вертеться)*, что подтверждает наблюдение писателя-орловца Н. С. Лескова: *В Орловской и Тульской губерниях крестьяне говорят удивительно образно и метко* [15, с. 190].

Заключение

Итак, обращение к текстам писателя, творчество которого посвящено укладу деревенской жизни определенного региона на разных временных срезах, позволяет существенно дополнить данные о фразеологическом фонде народных говоров.

Значительная часть фразеологических единиц, выявленных в текстах современной орловской писательницы Т. И. Грибановой, описывается и лексикографируется нами впервые и отсутствует в диалектных словарях [22; 23], причём такие фразеологические единицы до сих пор живы в памяти носителей говоров и функционируют в речи, в общении.

Художественные тексты подобной тематики и стилистики позволяют не просто выявить не зафиксированные ранее ФЕ, но и уточнить ареал и время их существования (в случае, если единица отмечена как существующая на иных территориях, однако употребляется, как показывают произведения, и в данном регионе).

За счёт контекстов, раскрывающих семантику ФЕ, расширяются сведения о семантической структуре фразеологических диалектизмов, выявляется полисемия.

Формируется более полная и целостная картина вариантности фразеологических единиц как в говорах региона, так и в национальном языке (за счёт привлечения диалектных фразеологических вариантов).

Художественные тексты, богатые диалектным фразеологическим материалом, предоставляют данные не только о составе ФЕ, но и о составе их словных компонентов,

о частотности последних, о наполненности фразео-семантических групп, вообще, о формировании номинативной системы за счёт привлечения новых фразеологических данных.

Безусловно, роль выявленных фразеологизмов значима не только для исследований фразеологической системы региона, но и для пополнения данных о взаимодействии фразеологической системы литературного языка и говоров. Такие ФЕ служат для создания идиостиля писателя, будучи заметными и частотными выразительными средствами в художественном тексте (что явно характерно для прозы Т. И. Грибановой). Диалектные фразеологизмы выступают как яркое средство речевой характеристики и персонажей, и повествователя, чья точка видения всегда «внутри» ситуации – «рядом» с героями; повествователя, речь которого по своим лингвостилистическим характеристикам близка речи носителей орловских говоров.

Благодарности

Авторы статьи выражают благодарность члену Орловского отделения Союза писателей России Татьяне Ивановне Грибановой за текстовый материал, за предоставление произведений, отсутствующих в опубликованных на данный момент книгах, за консультативную помощь – пояснение и уточнение толкований номинативных единиц проекта «Народное слово в литературно-художественном воплощении (на материале произведений Т. И. Грибановой)».

Список источников и литературы

1. Бахвалова Т. В. Лексическая база фразеологических единиц орловских говоров // *Россия народная: россыпь языков, диалектов, культур: сборник материалов Всерос. с междунар. участием науч. конф. / гл. ред.: Е. В. Брыкина, В. И. Супрун. Волгоград: Фортесс, 2019. С. 91–99.*
2. Бахвалова Т. В. Тексты художественных произведений писателей-орловцев – источник изучения и лексикографического представления региональной лексики // *Писатели-орловцы в контексте отечественной культуры, литературы, истории : материалы Всерос. науч. конф. Орёл: Орлов. гос. ун-т им. И. С. Тургенева, 2015. С. 92–97.*
3. Бахвалова Т. В. Характеристика интеллектуальных способностей человека лексическими и фразеологическими средствами языка (на материале орловских говоров). Орёл: Орлов. гос. пед. ун-т, 1993. 130 с.
4. Бахвалова Т. В., Попова А. Р. 500 забытых и редких слов из «Записок охотника» И. С. Тургенева. 3-е изд., испр. и доп. Орёл: Орлов. гос. ун-т им. И. С. Тургенева, 2017. 162 с.
5. Бахвалова Т. В., Попова А. Р. Мир орловского крестьянина в лексикографическом представлении (на материале произведений И. Вольнова). Орёл: Орлов. гос. ун-т им. И. С. Тургенева, 2010. 224 с.
6. Бахвалова Т. В., Попова А. Р. Словарь забытых и редких слов из романа «Отцы и дети» И. С. Тургенева. Орёл: Орлов. гос. ун-т им. И. С. Тургенева, 2018. 91 с.
7. Бахвалова Т. В., Попова А. Р. Словарь забытых и редких слов из романа «Дворянское гнездо» И. С. Тургенева. Орёл: Орлов. гос. ун-т им. И. С. Тургенева, 2019. 84 с.
8. Большой академический словарь русского языка. В 26 т. М.: Наука ; СПб.: Наука, 2004–2019.
9. Большой фразеологический словарь русского языка: Значение. Употребление. Культурологический комментарий / отв. ред. В. Н. Телия. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2006. 784 с.
10. Грибанова Т. И. Всего дороже. Рассказы. Орёл: 3-е ИЮЛЯ, 2019. 252 с.

11. Грибанова Т. И. Колыбель моя посреди земли. Песнь роду-племени моему. Орёл: Картуш, 2015. 404 с.
12. Грибанова Т. И. Лесковка. Деревенские рассказы. Орел: Орлик, 2013. 260 с.
13. Грибанова Т. И. Не трын-трава: деревенские были. Орёл: Картуш, 2016. 319 с.
14. Грибанова Т. И. Узелки на память. Поэма о природе. Орёл: Картуш, 2017. 320 с.
15. Другов Е. И. Н. С. Лесков: очерк творчества. 2-е изд. М.: Худож. лит., 1961. 224 с.
16. Ивашко Л. А. Очерки русской диалектной фразеологии. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1981. 110 с.
17. Картоотека «Словаря орловских говоров»: материалы хранятся на кафедре русского языка Института филологии Орловского государственного университета имени И.С. Тургенева.
18. Кобелева И. А. Современная русская диалектная фразеология: лексико-грамматический и лексикографический аспекты: дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01 / Кобелева Ирина Арнольдовна. Сыктывкар, 2012. 355 с.
19. Курносова И. М. Лексико-фразеологическая система языка писателей Центрального Черноземья и её лексикографическая представленность: дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01 / Курносова Ирина Михайловна. Елец, 2009. 557 с.
20. Курносова И. М. Словарь народного языка произведений И.А. Бунина. Елец: Елецкий гос. ун-т, 2012. 420 с.
21. Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Большой словарь русских поговорок: более 40 000 образных выражений. М.: Олма Медиа Групп, 2008. 283 с. ; то же [Электронный ресурс] // Словари и энциклопедии на Академике. URL: <https://dic.academic.ru/contents.nsf/proverbs/> (дата обращения: 02.01.2021).
22. Словарь орловских говоров / под ред. Т. В. Бахваловой. Вып. 1–4. Ярославль, 1989–1991 ; Вып. 5–17. Орёл, 1992–2016.
23. Словарь русских народных говоров. Вып. 1–51. М. ; Л. ; СПб.: Наука, 1965–2019.
24. Словарь современного русского литературного языка. В 17 т. М. ; Л.: Изд-во АН СССР, 1950–1965.
25. Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. 288 с.
26. Толстая С. М. Славянские народные представления о смерти в зеркале фразеологии // Фразеология в контексте культуры. М.: Языки русской культуры, 1999. С. 229–234.
27. Фёдоров А. И. Фразеологический словарь русского литературного языка: около 13 000 фразеологических единиц. М.: Астрель : АСТ, 2008. 878 с. ; то же [Электронный ресурс] // Словари и энциклопедии на Академике. <https://phraseology.academic.ru> (дата обращения: 04.01.2021).
28. Фразеологический словарь русского литературного языка. В 2 т. / сост. А. И. Федоров. М.: Цитадель, 1997.
29. Фразеологический словарь русского языка / под ред. А. И. Молоткова. М.: Русский язык, 1978. 543 с.

References

1. Bakhvalova T. V. Leksicheskaya baza frazeologicheskikh edinic orlovskih govorov [Lexical base of phraseological units of Orel dialects]. *Rossiya narodnaya: rossyp' yazykov, dialektov, kul'tur* [People's Russia: a Scattering of Languages, Dialects, Cultures.

- Collection of materials of the All-Russian scientific conference with international participation*]. Ed. by E. V. Brysina, V. I. Suprun. Volgograd: Fortess Publ., 2019, Pp. 91–99 [In Russian].
2. Bakhvalova T. V. *Teksty khudozhestvennykh proizvedeniy pisateley-orlovtsev – istochnik izucheniya i leksikograficheskogo predstavleniya regional'noy leksiki* [Texts of literary works of Orel writers as a source of study and lexicographic representation of regional vocabulary]. *Teksty khudozhestvennykh proizvedeniy pisateley-orlovtsev – istochnik izucheniya i leksikograficheskogo predstavleniya regional'noy leksiki* [Orel writers in the context of Russian culture, literature, and history. Materials of the Russian Scientific Conference]. Orel: Orlovskiy gosudarstvennyy universitet im. I.S. Turgeneva Publ., 2015, Pp. 92–97. [In Russian].
  3. Bakhvalova T. V. *Kharakteristika intellektual'nykh sposobnostey cheloveka leksicheskimi i frazeologicheskimi sredstvami yazyka (na materiale orlovskikh govorov)* [Characteristics of human intellectual abilities by lexical and phraseological means of the language (based on the material of Oryol dialects)]. Orel: Orlovskiy gosudarstvennyy pedagogicheskiy universitet Publ., 1993. 130 p. [In Russian].
  4. Bahvalova T. V., Popova A. R. *500 zabytykh i redkikh slov iz «Zapisok okhotnika» I. S. Turgeneva. 3-ye izd., ispr. i dop.* [500 forgotten and rare words from the «Notes of the Hunter» by I. S. Turgenev. 3rd ed., aug.] Orel: Orlovskiy gosudarstvennyy universitet im. I. S. Turgeneva Publ., 2017. 162 p. [In Russian].
  5. Bakhvalova T. V., Popova A. R. *Mir orlovskogo krest'yanina v leksikograficheskom predstavlenii (na materiale proizvedeniy I. Vol'nova)* [The world of the Orel peasant in lexicographic representation (based on the works of I. Volnov)]. Orel: Orlovskiy gosudarstvennyy universitet im. I.S. Turgeneva Publ., 2010. 244 p. [In Russian].
  6. Bakhvalova T. V., Popova A. R. *Slovar' zabytykh i redkikh slov iz romana «Ottsy i deti» I.S. Turgeneva* [Dictionary of forgotten and rare words from the novel «Fathers and Sons» by I. S. Turgenev]. Orel: Orlovskiy gosudarstvennyy universitet im. I. S. Turgeneva Publ., 2018. 91 p. [In Russian].
  7. Bakhvalova T. V., Popova A. R. *Slovar' zabytykh i redkikh slov iz romana «Dvoryanskoye gnezdo» I. S. Turgeneva* [Dictionary of forgotten and rare words from the novel “Home of the Gentr” by I. S. Turgenev]. Orel: Orlovskiy gosudarstvennyy universitet im. I. S. Turgeneva Publ., 2019. 84 p. [In Russian].
  8. *Bol'shoy akademicheskii slovar' russkogo yazyka. V 26 tomakh* [The Great Academic Dictionary of the Russian Language in 26 volumes]. Moscow: Nauka Publ.; St. Petersburg: Nauka Publ., 2004–2019. [In Russian].
  9. *Bol'shoy frazeologicheskii slovar' russkogo yazyka: Znachenije. Upotrebleniye. Kul'turologicheskii kommentariy* [Large phraseological dictionary of the Russian language. Meaning. Use. Cultural commentary]. Exec. ed. V. N. Telia. Moscow: AST-PRESS KNIGA Publ., 2006. 784 p. [In Russian].
  10. Griбанова Т. И. *Vsego dorozhe. Rasskazy* [The dearest. Short Stories]. Orel: 3-ye IYULYA Publ., 2019. 252 p. [In Russian].
  11. Griбанова Т. И. *Kolybel' moya posredi zemli. Pesn' rodu-plemeni moyemu* [My cradle is in the middle of the earth. Songs for my family]. Orel: Kartush Publ., 2015. 404 p. [In Russian].
  12. Griбанова Т. И. *Leskovka. Derevenskiye rasskazy* [Leskovka. Village stories]. Orel: Orlik Publ., 2013. 260 p. [In Russian].
  13. Griбанова Т. И. *Ne tryn-trava: derevenskiye byli* [Ne tryn-trava: village stories]. Orel: Kartush Publ., 2016. 319 p. [In Russian].
  14. Griбанова Т. И. *Uzelki na pamyat'. Poema o prirode* [Knots for memory. A poem about nature]. Orel: Kartush Publ., 2017. 320 p. [In Russian].
  15. Drugov E. I. *N. S. Leskov. Ocherk tvorchestva* [N.S. Leskov. Essay on creativity. 2nd ed.] Moscow: Khudozhestvennaya literature Publ., 1961. 224 p. [In Russian].

16. Ivashko L. A. *Ocherki russkoy dialektnoy frazeologii [Essays on Russian Dialect Phraseology]*. Leningrad: Izdatel'stvo Leningradskogo universiteta Publ., 1981. 110 p. [In Russian].
17. *Kartoteka «Slovarya orlovskikh govorov» [Card index of the «Dictionary of Oryol dialects»]*. The materials are stored at the Department of Russian Language of Orel State University [In Russian].
18. Kobeleva I. A. *Sovremennaya russkaya dialektnaya frazeologiya: leksiko-grammaticheskiy i leksikograficheskiy aspekty [Modern Russian Dialect Phraseology: Lexico-Grammatical and Lexicographic Aspects]*: abstract of dissertation of the doctor of philology. Syktyvkar, 2012. 39 p. [In Russian].
19. Kurnosova I. M. *Sovremennaya russkaya dialektnaya frazeologiya: leksiko-grammaticheskiy i leksikograficheskiy aspekty: dis. ... dr. filol. nauk [Lexical and phraseological system of the language of writers of the Central Chernozem region and its lexicographic representation]: diss. ... dr. filol. nauk*. Kurnosova Irina Mikhaylovna. Yelets, 2009. 557 c. [In Russian].
20. Kurnosova I. M. *Slovar' narodnogo yazyka proizvedeniy I. A. Bunina [Dictionary of the folk language of the works of I. A. Bunin]*. Yelets: Yeletskiy gosudarstvennyy un-t Publ., 2012. 420 p. [In Russian].
21. Mokienko V. M., Nikitina T. G. *Bol'shoy slovar' russkikh pogovorok: boleye 40 000 obraznykh vyrazheniy [A large dictionary of Russian sayings: more than 40,000 figurative expressions]*. Moscow: Olma Media Grupp Publ., 2007. URL: <https://dic.academic.ru/contents.nsf/proverbs/> (accessed: 01 January 2021). [In Russian].
22. *Slovar' orlovskikh govorov [Dictionary of Orel dialects]*. Ed. by T. V. Bakhvalova. Issues 1–4. Yaroslavl, 1989–1991. Issues 5–17. Orel, 1992–2016. [In Russian].
23. *Slovar' russkikh narodnykh govorov [Dictionary of Russian folk dialects]*. Issues 1–51. Moscow, Leningrad, St. Petersburg: Nauka Publ., 1965–2019. [In Russian].
24. *Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka. V 17 tomakh [Dictionary of the Modern Russian Literary Language]*. Issues 1–17. Moscow, Leningrad: Izd-vo AN SSSR Publ., 1950–1965. [In Russian].
25. Telia V. N. *Russkaya frazeologiya. Semanticheskiy, pragmaticheskiy i lingvokul'turologicheskiy aspekty [Russian phraseology. Semantic, pragmatic and linguocultural aspects]*. Moscow: Shkola «Yazyki russkoy kul'tury» Publ., 1996. 288 p. [In Russian]
26. Tolstaya S. M. Slavyanskiye narodnyye predstavleniya o smerti v zerkale frazeologii [Slavic folk ideas about death in the mirror of phraseology]. *Frazeologiya v kontekste kul'tury [Phraseology in the context of culture]*. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury Publ., 1999, Pp. 229–234. [In Russian].
27. Fyodorov A. I. *Frazeologicheskiy slovar' russkogo literaturnogo yazyka: okolo 13 000 frazeologicheskikh yedinits [Phraseological dictionary of the Russian literary language: about 13,000 phraseological units]*. Moscow: Astrel Publ., AST Publ., 2008. URL: <https://phraseology.academic.ru> (accessed: 04 January 2021). [In Russian].
28. *Frazeologicheskiy slovar' russkogo literaturnogo yazyka. V 2 tomakh [Phraseological dictionary of the Russian literary language. In 2 volumes]*. Comp. by A. I. Fyodorov. Issues 1–2. Moscow: Citadel Publ., 1997. [In Russian].
29. *Frazeologicheskiy slovar' russkogo yazyka [Phraseological Dictionary of the Russian language]*. Ed. by A. I. Molotkov. Moscow: Russkiy yazyk Publ., 1978. 543 p. [In Russian].

Дата поступления статьи: 01.03.2021
Дата решения о публикации: 25.03.2021

Date of receipt of article: 01.03.2021
Date of publication decision: 25.03.2021

Сведения об авторах

Бахвалова Татьяна Васильевна,
доктор филологических наук, профессор,
профессор кафедры русского языка
ФГБОУ ВО «Орловский государственный
университет им. И. С. Тургенева»
(e-mail: Btv-orel@yandex.ru)

Попова Анна Ростиславовна,
доктор филологических наук, доцент,
профессор кафедры русского языка
ФГБОУ ВО «Орловский государственный
университет им. И. С. Тургенева»
(e-mail: Studioaa2001@yandex.ru)

Information about the Authors

Bakhvalova Tatyana Vasilyevna,
Doctor of Philology, Professor,
Professor of the Department of the
Russian Language, Orel State University
(e-mail: angen.zhosse@yandex.ru)

Popova Anna Rostislavovna,
Doctor of Philology, Associate Professor,
Professor of the Department of the
Russian Language, Orel State University
(e-mail: Studioaa2001@yandex.ru)